

Ольга Гулина

Linda J. Cook. Welfare Nationalism in Europe and Russia: The Politics of 21st Century Exclusionary and Inclusionary Migrations. Cambridge: Cambridge University Press, 2024. 321 pp. ISBN 9781108891202.

Ольга Гулина, исследовательница миграции, Германия. contact@rusmpi.org.

Монография Линды Кук, профессора политологии и славянских исследований Брауновского университета (США) и одного из ведущих специалистов по социальной политике постсоциалистических государств, получила премию в области современных исследований национализма и этничности («2025 Rothschild Prize», n. d.). Такое признание научным сообществом свидетельствует о значимости темы проведенного исследования и может служить дополнительным основанием для более детального изучения феномена «социального национализма» (welfare nationalism). Именно это понятие, а также его чередующиеся циклы включения/исключения мигрантов из социальных механизмов и программ, выстроенных в странах Европы и России, по принципам культурной (cultural proximity) и этнической близости (ethnic proximity) и находятся в центре исследования Кук.

Книга открывается обзором теорий, терминологии и описанием пяти кейсов, к которым автор обращается: миграция из стран Центральной Азии в Россию после 2000 года; миграция из стран Восточной Европы после расширения Европейского Союза (ЕС) в 2004 и 2008 годах; миграция из стран Ближнего Востока и Африки в ЕС; переселение этнически близких мигрантов в Россию и Польшу в рамках специальных программ; миграция граждан Украины в страны ЕС после 2022 года (часть 1). Монография сосредоточена на оценке политико-правовых рамок/режимов/курсов европейских стран и России, при которых современные национальные государства, оперируя идеей «(не)заслуженности» (deservingness), стремятся ограничить доступ к социальным льготам и правам для отдельных индивидов. Это приводит к формированию кастовой иерархии внутри обществ, где граждан делят на «своих» и «чужих», «местных» и «чужаков», «достойных» и «недостойных». Сама концепция «(не)заслуженности» трактуется Кук через призму четырех элементов: этническая близость «Других»; уязвимость представителей группы в принимающем сообществе; экономические и налоговые издержки, связанные с их включением в системы социальной поддержки; а также – что наиболее широко исследуется и артикулируется в современном мире – фактор опасности и угрозы для правопорядка (с. 13–16).

Изучая механизмы и инструменты социального национализма, автор идентифицирует обусловившие его экономические паттерны и политические факторы, а также исследует взаимосвязь между популизмом, радикализмом и антииммиграционной повесткой в Европе и России (часть 2). Наконец, в последних двух частях Кук обращается к конкретным примерам: в третьей она анализирует эксклюзивную – исключаящую – миграционную политику, а в четвертой, наоборот, инклюзивную, опирающуюся на выстроенные в принимающих государствах ин-

струменты, программы и механизмы, которые обеспечивают права мигрантов. Несомненными достоинствами представленной монографии являются сравнительная оптика и богатая эмпирическая база, охватывающая миграционные потоки из Восточной Европы в Великобританию, из стран Центральной Азии в Россию, а также из стран Африки и Ближнего Востока в Европу на протяжении последних двух десятилетий.

Написанная в 2024 году, сегодня работа Кук читается как исторический документ: темпы изменений в миграционном регулировании таковы, что происходившее еще вчера ощущается как далекое прошлое. В ряде стран ЕС социальные права и доступ мигрантов к государственным гарантиям вновь пересматриваются и все жестче увязываются с иммиграционным статусом, с различиями между гражданами ЕС, резидентами, обладателями временной защиты и прочими категориями иностранцев. В то же время государства Ближнего Востока, прежде нередко приводившиеся в качестве примеров ограниченной социальной политики в отношении трудовых мигрантов, постепенно выстраивают более формализованные институты социальной защиты и регулирования трудовых отношений. Так, в 2023–2026 годах страны Персидского залива, прежде всего ОАЭ, серьезно реформировали системы занятости и прав трудовых мигрантов (Sharique 2026).

Кук позиционирует свою монографию как исследование процессов прекаризации труда в Европе и России в условиях возрастающей потребности в рабочей силе (с. xv–xvii). В центре ее внимания – распространение нестабильных форм занятости, сокращение правовых и социальных гарантий для работников, размывание профессиональных идентичностей, а также ослабление механизмов защиты трудовых прав, прежде всего прав мигрантов. Особое значение в этом контексте приобретают процессы секьюритизации миграционной политики и рынка труда, сопровождающиеся снижением уровня социальной солидарности как внутри общества в целом, так и отдельных его институтов и социальных групп.

Ряд тезисов автора представляет особый интерес и заслуживает отдельного обсуждения. Например, мнение Кук о том, что «политика ЕС в отношении беженцев находится в зависимости от событий в Украине» (глава 8), дискуссионно и требует детального обсуждения. Размышляя о характере изменений в миграционном курсе стран ЕС, одни исследователи исходят из того, что европейские государства по-прежнему действуют в рамках совместно выработанных институтов, норм и правил, сформировавшихся в ходе европейской интеграции. Другие же полагают, что ключевым фактором трансформации современной миграционной политики ЕС стал приток украинских беженцев после 2022 года. Позиция Кук ближе ко второму подходу: в своей концепции социального национализма она рассматривает реакцию европейских государств на беженцев из Украины как особый случай инклюзивной миграции, демонстрирующий способность геополитических обстоятельств и представлений о «заслуженности» мигрантов существенно менять сложившиеся модели социальной и миграционной политики (с. 244, 264). И с этим, действительно, следует согласиться.

Представляется, что принятое в 2026 году решение Совета ЕС об очередном продлении временной защиты для украинцев до марта 2028 года (Council of the

European Union 2026), очевидно, навсегда закроет историю механизма массового предоставления гуманитарной защиты в ЕС. В политической повестке сегодняшней Европы особое значение придается не дальнейшему продлению действия механизма массовой гуманитарной защиты, а сценариям на период после марта 2028 года, когда общеевропейское регулирование в области миграции и гуманитарной защиты в целом и статуса граждан Украины в ЕС в частности будет управляться национальными требованиями и миграционными статутами стран ЕС (Council of the European Union 2025; см. также Schulten 2026). Иными словами, союзный механизм массовой временной защиты эволюционирует в сторону передачи вопроса на уровень государств-членов ЕС. Те же, кто не подпадет под требования рабочих, учебных или гуманитарных статусов государств – из-за отсутствия легального источника дохода, достаточных средств, рабочего контракта, аккредитации в учебном заведении, официального места проживания и тому подобного – будут вынуждены покинуть ЕС.

В Германии становится все более динамичной и дискуссия о том, имеют ли граждане Украины, находящиеся в стране под временной защитой по § 24 Закона о пребывании (AufenthG), право на натурализацию, то есть получение гражданства. В статье немецкой журналистки Рикарды Брайтон в газете «Die Welt» обсуждаются «страх перед нескончаемыми бюрократическими перегрузками» (endgültigen Überlastungssituation) и «хаос натурализации» (Einbürgerungschaos) в случае массовой подачи украинскими беженцами заявлений на гражданство ФРГ (Breyton 2026). В настоящее время граждане Украины, прибывшие в Германию после 2022 года и находящиеся в стране на основании временной защиты, исключены из правового поля реформ Закона о гражданстве (StARModG) 2025 года, открывших путь к натурализации, что создает напряжение между формальной нормой и практикой на местах и лишь подтверждает выводы Кук.

Другим важным тезисом автора, представленным в шестой главе, является утверждение о том, что миграция из стран Ближнего Востока и Африки остается «основным анимирующим фактором» (с. 263) сохранения националистических и ксенофобских настроений в ЕС и мобилизации электоральной поддержки сил, эксплуатирующих эту повестку. Несомненно, лидеры праворадикальных партий, включая «Альтернативу для Германии» (АдГ), постоянно повторяют, что «миграция – прародительница всех политических проблем в Германии» («Seehofer» 2018). Однако современные эмпирические исследования праворадикального электората в Европе рисуют более сложную картину (Abou-Chadi et al. 2022). К примеру, исследования Йенса Ридгрена (Rydgren 2004; Rydgren and Ruth 2013) демонстрируют, что прослеживаемая в Нидерландах и Швеции связь между иммиграционными вызовами и поддержкой праворадикалов не столь очевидна в Австрии, Бельгии, Франции или Норвегии. Схожие выводы можно сделать и для Германии. Во-первых, электорат АдГ неоднороден: часть избирателей разделяет лишь ограничительные позиции по миграции, оставаясь сравнительно умеренной по авторитарному и экстремистскому измерениям, тогда как другие усваивают целостное праворадикальное мировоззрение. Во-вторых, сторонники АдГ рекрутируются из разнородных социальных и политических общностей, что порождает

перекрестное давление между культурными и экономическими установками: одни сочетают культурное исключение с левыми экономическими предпочтениями, другие – с неолиберальными взглядами (Gessler and Hunger 2022).

Будет верным сказать, что гетерогенность электората партии АдГ следует рассматривать не как количественную характеристику, а как качественную конфигурацию различных социальных, экономических и культурных групп, объединенных вокруг частично пересекающихся, но нетождественных политических запросов. Помимо собственно идеологических установок, существуют и более широкие источники поддержки партии – например, исследование Андреа Петракин и коллег (Pettrachin et al. 2023) обнаруживает как минимум два. Первый – политическое отчуждение: неудовлетворенность властями, недоверие к институтам, чувство непредставленности мейнстримными партиями, нередко сводимое к «протестному голосованию», хотя речь идет о более устойчивых формах отчуждения; дебаты вокруг «брандмауэра» (Brandmauer)¹ лишь усиливают эти настроения. Второй – ощущение того, что простой человек «оставлен позади» экономически, социально или территориально, особенно в структурно слабых, периферийных восточных регионах страны.

Таким образом, праворадикальная и антииммиграционная повестка питается не только и не столько ближневосточной миграцией; сведение ее к одному «анимирующему фактору» упрощает причинно-следственную картину. Показательно, что в Германии – стране, принявшей в 2014–2016 годах наибольшее число беженцев из Сирии и других стран Ближнего Востока, – АдГ закрепляет лидирующие позиции в восточных землях. При этом структурные и экономические факторы (противостояние «Восток – Запад», субъективная депривация, социальный статус) объясняют профиль ее поддержки ничуть не хуже, чем миграционная повестка.

Еще одной интересной темой, затронутой в книге, являются программы переселения и этнической репатриации, которые автор рассматривает как форму селективной социальной солидарности. Она показывает, что подобные механизмы выступают своеобразным инклюзивным измерением (inclusive face) современного социального национализма (welfare nationalism), при котором доступ к социальным правам и государственным ресурсам расширяется не для всех мигрантов, а только для тех групп, которые воспринимаются как близкие к принимающему сообществу (глава 7). Кук рассматривает действующие программы переселения – в частности, программу возвращения индивидов с польскими корнями в Польшу («карта поляка») и программу переселения соотечественников в России – в качестве механизмов инклюзивного национализма. Последние функционируют через включение «своих» и исключение «чужих» (с. 214–215), через идентификацию и определение участников подобных программ как «братьев» или «халявщиков» (brothers vs. freeloaders; с. 223–225), «братьев» или «варваров» (brothers vs. barbarians; с. 225–226).

¹ В немецкой политике «брандмауэр» (Brandmauer) – это принцип, означающий категорический отказ традиционных партий – ХДС/ХСС, СДПГ, Левых и проч. – от любых форм коалиций и сотрудничества с АдГ.

Сопоставление российской и польской программ переселения соотечественников – особенно в контексте мигрантов из Украины – дискуссионно, поскольку различия в характере миграционных потоков, временных условий и реакции стран происхождения делают прямое сравнение методологически уязвимым. Как верно замечает автор, программы переселения и репатриации очень «уязвимы» (*susceptible*), потому как «в большинстве своем строятся на связях с диаспорами в сопредельных государствах, где национальные границы были сдвинуты в результате войн, распада федераций или империй, иных соглашений» (с. 214). И это действительно так. Еще в 2016 году Польша выдала около 70 000 карт поляка гражданам Украины и еще около 75 000 гражданам Беларуси. При этом официальный Минск рассматривал репатриацию белорусов польского происхождения в Польшу по карте поляка скорее как угрозу: так, Конституционный Суд Республики Беларусь признал программу противоречащей интересам страны, а отдельным категориям граждан (госслужащим, работникам муниципальных органов) де-юре запретил пользоваться картой поляка (Gulina 2019:52–56).

Важным является то, что семь из пятнадцати постсоветских государств – Армения, Азербайджан, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия и Украина – реализуют программы возвращения, переселения соотечественников или иные инициативы, адресованные диаспоре и мигрантам за рубежом. На этом фоне тезис Кук об «исключительности социального национализма» (с. 213, 215, 219–221), основанный на польском и российском кейсах, представляется методологически ограниченным, поскольку не учитывает более широкую региональную распространенность и специфику подобных практик. Их включение в анализ позволило бы расширить исследовательскую рамку и продемонстрировать более широкий и системный характер социального национализма через действующие программы этнического переселения и возвращения соотечественников.

Наиболее продуктивное направление для развития исследовательской рамки Кук через призму социального национализма лежит за пределами рецензируемого исследования. Страны Ближнего Востока уже перестали быть примерами полного отсутствия социальной политики или господства этнической дискриминации трудовых мигрантов по принципу этнической близости (*ethnic proximity*). Хотя положение прав мигрантов в большинстве государств региона остается проблемным и тревожит правозащитников, налицо постепенный отход от наиболее жестких практик и расширение элементов правовой и социальной защиты.

Так, в последние три-пять лет страны Персидского залива (здесь – ОАЭ) запустили национальную программу страхования иностранных работников от безработицы и обязательную медицинскую страховку, оплата которой возложена на работодателя. Все эти меры – часть общегосударственной политики ОАЭ по укреплению защиты трудовых мигрантов и модернизации рынка труда. Данный кейс не опровергает, но усложняет тезисы и выводы Кук. Страны Персидского залива, и конкретно ОАЭ, демонстрируют, что авторитарно управляемое рентное государство способно двигаться к включению мигрантов – пусть из инструментальных, а не нормативных соображений – даже там, где культурная близость заведомо невелика. В результате социальный национализм предстает не универсальным

законом, а одной из возможных траекторий, контуры которой задаются не только конфигурацией рынка труда или системой налогообложения, но и политической волей действующего лидера.

«Социальный национализм в Европе и России» (Welfare Nationalism in Europe and Russia) – это масштабное, детальное и чрезвычайно важное исследование, а сравнительная перспектива, охватывающая страны ЕС, Великобританию и Россию, заслуживает внимания как академических исследователей, так и широкой читательской аудитории. Выбранные для обсуждения в данной рецензии авторские тезисы лишь подтверждают вышесказанное: режим временной защиты для украинцев на глазах меняет форму, праворадикальная мобилизация питается не одной лишь миграцией, а сопоставление программ переселения требует учитывать природу самих потоков.

Наиболее перспективным направлением дальнейшего развития исследовательской рамки, предложенной Кук, представляется выход за пределы европейско-российского контекста и обращение к странам Ближнего Востока. Именно в этом регионе проводимые реформы приносят современные примеры социального национализма в его инклюзивном измерении – для отдельных категорий трудовых мигрантов и их потомков. Представляется, что проверка концепта «(не)заслуженности» социальных льгот и прав на материале других регионов и стран способна насытить дискуссию о границах социального национализма и его чередующихся циклах в современном мире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Abou-Chadi, Tarik, Denis Cohen, and Markus Wagner. 2022. "The Centre-Right Versus the Radical Right: The Role of Migration Issues and Economic Grievances." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 48(2):366–384. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2020.1853903>.
- Breyton, Ricarda. 2026. "Die Angst vor der 'endgültigen Überlastungssituation.'" *WELT*, June 11. <https://www.welt.de/politik/deutschland/plus6a154f9b3985a21ca1651617/einbuengerung-bald-koennten-viele-ukrainische-fluechtlinge-den-deutschen-pass-beantragen.html>.
- Council of the European Union. 2025. "Council Recommendation of 16 September 2025 on a Coordinated Approach to the Transition out of Temporary Protection for Displaced Persons from Ukraine." *Official Journal of the European Union*, September 23. <https://eur-lex.europa.eu/eli/C/2025/5129/oj/eng>.
- Council of the European Union. 2026. "EU Countries Agree to Extend Temporary Protection for Those Fleeing Ukraine Until March 2028." Press release, July 15. <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/07/15/eu-countries-agree-to-extend-temporary-protection-for-those-fleeing-ukraine-until-march-2028>.
- Gessler, Theresa, and Sophia Hunger. 2022. "How the Refugee Crisis and Radical Right Parties Shape Party Competition on Immigration." *Political Science Research and Methods* 10(3):524–544. <https://doi.org/10.1017/psrm.2021.64>.
- Gulina, Olga R. 2019. *Migration as a (Geo-)Political Challenge in the Post-Soviet Space: Border Regimes, Policy Choices, Visa Agendas*. Stuttgart, Germany: ibidem-Verlag.
- Pettrachin, Andrea, Lorenzo Gabrielli, Jisu Kim, Sarah Ludwig-Dehm, and Steffen Pötzschke. 2023. "Did Exposure to Asylum Seeking Migration Affect the Electoral Outcome of the 'Alternative für Deutschland' in Berlin? Evidence from the 2019 European Elections." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 49(2):576–600. <https://doi.org/10.1080/1369183X.2022.2100543>.
- Rydgren, Jens. 2004. "Explaining the Emergence of Radical Right-Wing Populist Parties: The Case of Denmark." *West European Politics* 27(3):474–502.

- Rydgren, Jens, and Patrick Ruth. 2013. "Contextual Explanations of Radical Right-Wing Support in Sweden: Socioeconomic Marginalization, Group Threat, and the Halo Effect." *Ethnic and Racial Studies* 36(4):711–728.
- Schulten, Lucia. 2026. "Wehrpflichtige Ukrainer könnten den Schutz der EU verlieren." *Deutsche Welle*, June 26. <https://www.dw.com/de/wehrpflichtige-ukrainer-k%C3%B6nnten-den-schutz-der-eu-verlieren/a-77426046>.
- "Seehofer: Migration ist 'Mutter aller Probleme.'" 2018. *Deutsche Welle*, September 6. <https://www.dw.com/de/seehofer-nennt-migration-mutter-aller-probleme/a-45377457>.
- Sharique, Umar. 2026. *Migration Policy Reforms and Mobility Decision-Making: High-Skilled Second-Generation Residents in Qatar, the UAE, and Saudi Arabia*. Stepwise and Return Migration Between the Gulf, Europe and North America, Policy Report No. 3. Berlin: Konrad-Adenauer-Stiftung; Gulf Research Center. <https://www.kas.de/documents/286298/43037127/Final+-+Policy+Report+-+No.+3+-+Sharique+Umar.pdf>.
- "2025 Rothschild Prize." n.d. Association for the Study of Nationalities. Accessed July 9, 2026. <https://nationalities.org/prizes/rothschild-prize/2025-rothschild-prize>.